

РУССКАЯ
СОВЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
В X КЛАССЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

1957

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В X КЛАССЕ

Редактор А. Л. Сокольская
Худож. редактор А. И. Мищенко
Техн. редактор Р. Я. Соколова
Художник А. М. Олевский
Корректор Г. Б. Плисецкий

Сдано в набор 9/I	1957 г.	
Подписано к печати 15/IV		1957 г.
Формат 84×108/32 бум. л. 5		печ. л. 16,4
Уч. изд.-л. 14,99	А 04043	Тираж 35000

Изд-во АПН РСФСР, Москва, Погодинская ул., 8. Зак. 1101
Типография Металлургиздата, Москва, Цветной бул., д. 30.
Цена 5 руб. 55 коп.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Л. Т и м о ф е е в. Основные черты советской литературы	3
Л. П о л я к. Развитие русской советской литературы (1917—1929)	42
С. Ш п е т. Максим Горький	101
Л. Т и м о ф е е в. Владимир Маяковский	185
Е. С т е п а н о в а. Изучение произведений Маяковского в X классе средней школы	259

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА в X классе

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
*действительного члена Академии
педагогических наук РСФСР*
Л. И. ТИМОФЕЕВА

ВЫПУСК

1

Издательство
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
МОСКВА
1957

*Печатается по решению
Редакционно-издательского Совета
Академии педагогических наук РСФСР*

ОТ РЕДАКТОРА

Сборник, предлагаемый вниманию учителей-словесников, ставит своей задачей осветить круг вопросов, возникающих при изучении советской литературы в X классе.

В центре внимания авторов — основной программный материал. Однако они включают в поле зрения учителя и вопросы, которые выходят за пределы программы, но создают более широкое представление о творчестве изучаемых в школе писателей, об окружающей их литературной обстановке и могут быть полезны как в классной, так и во внеклассной работе.

В первый выпуск сборника входят статьи об основных чертах советской литературы и о литературе 20-х годов, задача которых — помочь учителю в подготовке обзорных лекций, а также статьи о творчестве М. Горького и В. Маяковского, имеющие в основном методический уклон.

Учитывая сложность вопросов, встающих при изучении в школе поэзии Маяковского, в сборник включена статья о нем, имеющая более общий характер.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. ТРАДИЦИИ КЛАССИКИ

1

Великая Октябрьская революция освободила творческую энергию масс, обеспечив приток в литературу новых писателей, вышедших из самой толщи народной; партия коммунистов дала советским писателям то партийное отношение к жизни, без которого немислимо глубокое и художественно правдивое отражение ее; богатейший опыт социалистического строительства, гражданской и Отечественной войны во всей полноте открыл им новый тип человека-творца и созидателя нового общества; наконец, традиции великой классической русской литературы помогли им пройти творческую школу высокоидейного, близкого народу мастерства.

Чрезвычайно важно было и то, что еще в самом начале XX в. определились теоретические основы и художественные формы новой, социалистической литературы. Ленин опубликовал в 1905 г. статью «Партийная организация и партийная литература», М. Горький в 1907 г. — роман «Мать».

Вместе с тем при всей своей исторической новизне советская литература сохраняет преемственную связь с великой русской литературой. Рассматривая советскую литературу в свете этой преемственности, мы с особенной ясностью видим все то новое, что внесла и вносит она в литературу мировую.

Одним из существенных вопросов, встающих при изучении истории советской литературы, является вопрос о традиции и новаторстве.

Литературная традиция сама по себе не может иметь, конечно, определяющего значения. Лишь реальная историческая обстановка определяет темы и образы, привлекающие писателя, и, главное,— его идейное отношение к ним.

Это живое историческое содержание творчества и является его основой, вытекающей из современной писателю исторической обстановки.

Но тот или иной исторический период в жизни народа не оторван от предшествующих, а, наоборот, тесно связан с ними, поскольку они представляют собой этапы той общественной борьбы, тех классовых столкновений, которые продолжаются или находят свое завершение в данном периоде. И если литературная традиция связана с осмыслением именно этих решающих социальных противоречий, то она становится ведущей традицией в литературе и на новом историческом этапе.

Именно такой ведущей традицией является для советской литературы традиция русской классической литературы.

Она складывалась на основе двух мощных и внутренне единых в конечном счете исторических движений: борьбы русского народа за свою национальную независимость и борьбы его за свое социальное освобождение. В этой борьбе вырастали и крепились центральные идеи лучших произведений русской классики: идея патриотизма и идея борьбы за свободу народа (при всем историческом своеобразии, которое выражение этих идей получало в зависимости от реальной исторической обстановки, классовой позиции, общественного опыта и мировоззрения данного писателя).

Понятно, что, говоря о лучших традициях классики, мы имеем в виду ту историческую проверку творчества ее представителей, которую произвело время, помогшее нам увидеть идейно-художественную силу и слабость каждого из них.

Ленин в статьях о Л. Толстом выдвигает важнейший методологический принцип такой проверки, указывая, что писателя следует оценивать одновременно и с точки зрения тех исторических условий, в которых развивалось его творчество, и с точки зрения современного нам революционного рабочего движения. Тем самым мы получаем возможность понять, что в данной исторической обстановке ограничивало творчество писателя и что из обобщен-

ного им опыта общественной жизни сохранило для нас свое значение и в познавательном, и в воспитательном отношении.

Слова Ленина о силе и слабости Л. Толстого как художника и мыслителя имеют для нас общеметодологическое значение, так как для всех представителей досоциалистического искусства характерна неизбежная ограниченность, а иногда — и прямая ошибочность мировоззрения. Понятно также, что от степени связи писателя с народным освободительным движением зависела в значительной мере и близость принципов его художественной деятельности к нашим современным представлениям о задачах искусства. Именно поэтому традиции революционно-демократической литературы в особенности существенны для советских писателей.

Освободительное движение народа не могло не быть воспринято и отражено и теми писателями-классиками, которые не были с ним непосредственно связаны. Если они и не поднимались в своем мировоззрении на высоту осознания исторической неизбежности и необходимости революционной борьбы, то самая острота классовых противоречий наталкивала этих художников на постановку основных проблем эпохи, связанных с народным движением в тех или иных его проявлениях.

Воспроизводя действительность во всем богатстве реального жизненного процесса, эти художники создавали образы, которые сохраняли свое действительное значение и в том случае, если сам художник не сумел сделать нужных выводов. Их могли сделать за него другие, как сделал их за Гоголя Белинский.

Вот почему складывавшиеся в исторических условиях классовой борьбы XIX в. творческие принципы русской классической литературы сохраняют свое значение и для нас, выходя за пределы тех классовых интересов и воззрений, в условиях которых они возникали и оказывали свое историческое воздействие на действительность.

2

Своеобразие русского исторического процесса состояло в частности, в том, что русскому народу, как никакому другому, пришлось бороться в течение ряда столетий за свою национальную независимость. То чувство патрио-

тизма, которое, по словам Ленина, складывается в народе тысячами, издавна развилось в русском народе с особенной силой благодаря этим историческим условиям. И не случайно в первом же дошедшем до нас крупнейшем произведении русской литературы — «Слове о полку Игореве» — мы находим уже отчетливо осознанную и выраженную патриотическую идею, определенную К. Марксом как призыв к единению как раз перед нашествием монголов (письмо к Энгельсу 5 марта 1856 г.)¹.

Патриотический пафос проходит затем через всю историю русской литературы, находя себе, естественно, самое различное историческое выражение и содержание. Идея патриотизма сочеталась с идеей свободы и блага народного еще у Радищева. Для Пушкина и декабристов слова «отчизна» и «свобода» были почти синонимами. У Некрасова и революционеров-демократов патриотический пафос выражался в призыве к борьбе против самодержавия и эксплуатации. Совершенно очевидно, что патриотическое чувство по природе своей глубоко исторично и связано каждый раз и с определенным историческим идеалом родины, и с определенными историческими формами ее развития. Советский патриотизм, основанный на небывалых еще в истории формах организации общества, на совершенно новых принципах человеческих взаимоотношений, конечно, глубоко отличается от патриотизма досоветского периода. Чем более глубоких форм достигал патриотизм в прошлом, тем в более острое столкновение приходил он с государственным строем. И наоборот: чем глубже чувство советского патриотизма, тем выше в нем пафос государственности, воплощающей интересы всего советского народа, тем отчетливее единство с государственным строем. Но в то же время патриотическое чувство присуще народу на всех стадиях его развития. Отношение к родине является вопросом, который встает перед каждым сознательным человеком. Опыт прошлого помогает решить этот вопрос в настоящем и понять новое качество патриотического чувства в современных условиях.

В литературе патриотическое чувство проявлялось в различных формах. Писатель раскрывает это чувство и

¹ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XXII, Гос. социально-экономическое изд-во, М—Л., 1931, стр. 122.

в том, что можно назвать образом родины, непосредственно говоря о своем отношении к ней (как это делает Гоголь в лирических отступлениях в «Мертвых душах»), и в своих обращениях к ее прошлому, к великим людям и событиям ее истории («Полтава» Пушкина), и в откликах на события современной ему жизни. В центре внимания художника стоит при этом проблема изображения национального характера, наиболее полно раскрывающего чувство национальной гордости.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевский настойчиво подчеркивает, что «историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силою его патриотизма... Русский, у кого есть здравый ум и живое сердце, до сих пор не мог и не может быть не чем иным, как патриотом в смысле Петра Великого, — деятелем в великой задаче просвещения русской земли. Все остальные интересы его деятельности... подчиняются... великой задаче служения на пользу своего отечества»¹.

3

Одной из основных проблем русской классической литературы является проблема народности. Но, обращаясь к народу, писатель прежде всего сталкивался с беспросветной жизнью крестьянских масс в условиях крепостного права. Обращение к народной жизни, открывшее русской литературе мир народных страданий, определило прежде всего ее огромный гуманистический пафос. «Я взглянул окрест, и душа моя страданиями человечества уязвлена стала», — сказал еще Радищев.

Патриотизм русской классической литературы неразрывно связан с гуманизмом как важнейшей чертой ее литературной традиции. Решающей проблемой русской литературы уже со времен Радищева стала проблема человека. Во имя освобождения его русские писатели прямо или косвенно вступали в борьбу с тем общественным строем, который обрекал человека на страдания и эксплуатацию. И речь при этом с самого начала шла не о человеке вообще, а о человеке — представителе народа;

¹ Н. Г. Чернышевский, Избр. соч., Гослитиздат, 1950, стр. 585.

о человеке из низов, страдания которого являются результатом нестерпимых условий, созданных существующим строем.

Так стоял этот вопрос в сатирических журналах Новикова, в «Путешествии» Радищева, в «Медном всаднике» Пушкина, в «Шинели» Гоголя, в «Бедных людях» Достоевского, в «Утре помещика» Л. Толстого, в «Сне Макара» Короленко и во многих других произведениях русских классиков.

4

Осознание идеи народности началось еще в XVIII веке благодаря творчеству Радищева, Фонвизина.

К началу XIX в. представление о народности расширяется и углубляется. То, что было прогрессивным до XIX в.— воспроизведение народного быта как первичная форма народности,— теперь становится уже недостаточным. В 1824 г. в «Разговоре между классиком и издателем» П. Вяземский вводит в литературу само понятие народности. Белинский подвергает резкой критике упрощенное представление о народности и, вслед за Пушкиным, дает ей глубокое философское обоснование. Он высмеивает писателя, который, являясь в печати, старается закрыть свой фрак зипуном, поглаживает свою накладную бороду и, чтобы ни в чем не отстать от народа, так и шеголяет в своих стихах грубостью чувств и выражений. Он призывает отказаться от псевдоромантического направления, которое, обрадовавшись слову «народность» и праву представлять в поэмах и драмах не только честных людей низшего звания, но даже воров и плутов, воображало, что истинная национальность скрывается только под зипуном, в курной избе и что разбитый на кулачном бою нос пьяного лакея есть истинно шекспировская черта.

Белинский понимал народность как глубоко правдивое отражение жизни, отвечающее интересам народа; жизненная правда, честность художника — главное условие народности, с его точки зрения: «... у кого есть талант, кто поэт истинный,— писал он,— тот не может не быть народным»¹.

¹ В. Г. Белинский, Соч. под ред. С. А. Венгерова, т. II, стр. 356.

В литературе он видел «сознание народа», т. е. «отражение его духа и жизни», показывающее «назначение народа, место, занимаемое им в великом семействе человеческого рода»¹.

Патриотизм, народность и гуманизм — таковы были те творческие принципы, которые стали ведущими в русской классической литературе. Они определяли характер типизации в творчестве писателей-классиков.

Изображение народной жизни вплотную сталкивало писателей с теми трагическими обстоятельствами, в которых находился великий создатель русской национальной культуры — народ. Дворянская литература в середине XVIII в. пыталась отгородиться от жизни народа, выдвигая требование изображать «первосвященников и военачальников» (Тредиаковский); позднее она устами Карамзина звала уйти от изображения «ужасных сцен натуры», ограничиваясь абстрактным признанием за крестьянством его человеческих качеств и продолжая утверждать, что «дворянство есть душа и благородный образ всего народа». Но конец века выдвигал совершенно новые проблемы. Народ и в жизни (Пугачев), и в литературе (в творчестве Радищева) заявил о себе с достаточной определенностью. «Удалитесь от меня ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ, истина одна пером моим руководствует», — провозгласил Радищев в журнале Новикова «Живописец» еще в 1772 г.² Это было первым провозглашением творческого принципа, который вытекал из всей идейной концепции лучшей части русской литературы — принципа реализма.

Реализм XIX века по самой своей природе не мог не быть реализмом критическим. Зачатки его мы находим еще у Радищева. Понятно, что мы не обнаружим у него в полной мере того, что можно назвать типическими характеристиками в типических обстоятельствах. Это черта развитого, со всей отчетливостью проявившегося реализма. Но бесспорно, что самый принцип именно такой типизации Радищевым уже намечен.

Белинский определил этот путь в искусстве как «воспроизведение действительности во всей ее истине» («Взгляд

¹ В. Г. Белинский, Соч. под ред. С. А. Венгерова, т. V, стр. 471.

² Отрицание авторства Радищева не представляется нам убедительным.

на русскую литературу 1847 г.)). Подняться к этой истине могли только те художники, которые были в состоянии в своем творчестве преодолеть исторически обусловленную ограниченность своего мировоззрения.

Горький справедливо подчеркивал, что крупнейшие творцы критического реализма — это «отщепенцы», «блудные дети», «вырвавшиеся из душливой атмосферы своего класса» и создавшие великие произведения, «освещающие его быт, традиции, деяния критически».

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский особо оговаривал, что «критическое направление» при подробном изучении и воспроизведении явлений жизни проникнуто мыслью о соответствии или несоответствии изученных явлений с нормою разума и благородного чувства. Тем самым он существенно расширял понятие критического реализма, подчеркивая, что критическое изображение жизни является вместе с тем и утверждением положительных идеалов писателя.

С появлением во второй половине XIX в. революционно-демократической литературы русский реализм получил наиболее отчетливую революционную устремленность и ясную теоретическую осознанность.

Добролюбов прямо заявил, что основой литературного творчества может быть лишь «... твердое убеждение в необходимости и возможности полного исхода из настоящего порядка этой жизни...»¹.

И Чернышевский, и Добролюбов, и Щедрин понимали литературу прежде всего как пропаганду передовых идей, которые она должна нести в народ, и именно этим определяли ее общественное значение: «... литература представляет собой силу служебную, — говорил Добролюбов, — которой значение состоит в пропаганде, а достоинство определяется тем, что и как она пропагандирует»².

Революционеры-демократы рассматривали себя как «партию народа в литературе» (Добролюбов), мерили писателя по тому, стоит ли он «в уровень с теми естественными стремлениями, которые уже пробудились в народе или должны скоро пробудиться...»³.

¹ Н. А. Добролюбов, Соч., Гослитиздат, 1934—1935, т. II, стр. 578.

² Там же, стр. 325.

³ Там же, стр. 327.

Новое слово в литературе, движение литературы вперед необходимо связано с тем, что художник находит новый принцип типизации, улавливает такие отношения человека к жизни, которые вскрывают новые в ней закономерности.

В основе принципа типизации в творчестве Льва Толстого лежит изображение человека через его отношение к народу. Это главный критерий оценки Л. Толстым его героев. При помощи этого критерия он определяет типическое в человеке, типизирует основные существенные стороны его характера и через эти черты характера — определяющие их социальные отношения. Этим основным принципом типизации Толстой и близок к революционерам-демократам. Отношение к народу, к интересам народа, к этическим нормам, которые создаются в трудовой массе, — таковы принципы определения ценности человека, которые выдвигает Лев Толстой. Чем ближе человек к этим нормам, тем яснее в нем для Льва Толстого положительное начало. Чем дальше он от них отходит, тем в большей степени определяется его отрицательная сущность.

В этом смысле Лев Толстой является представителем «партии народа» в литературе. Для него творцом в истории, созидателем общественных ценностей является народ. «...Не правительство произвело историю...: — записывает он в своем дневнике, — грабили, правили, воевали, разоряли... кто производил то, что разоряли? Кто и как кормил хлебом весь этот народ? Кто делал парчи, сукна, платья... кто добывал золото и железо, кто выводил лошадей, быков, баранов, кто строил дома, дворцы, церкви, кто перевозил товары?.. Народ живет...»¹.

Говоря о традиции, мы должны иметь в виду и ту ее сторону, которую можно определить как потенциальные возможности этой традиции. Тот или иной вопрос в ней может быть только намечен, но не разрешен в силу того, что на пути к этому разрешению стоят определенные исторические препятствия. Решить его могут только дальнейшие поколения. Но самая постановка вопроса, намечающая ключ к его решению, и представляет собой эту потенциальную возможность, заложенную в традиции. Понятно, что в творчестве Толстого не показана созидательная

¹ Л. Н. Толстой, Собр. соч. в 90 тт., т. 48—49, стр. 124.

мощь народа, не показана деятельность народа как творца культуры. Этого Толстой в силу исторических условий сделать не мог. Мощь и величие создающего народа раскрыты в полной мере только советской литературой. Но самая идея о народе-созидателе представляет собой именно то, что можно назвать потенциальной возможностью традиции творчества Льва Толстого и творчества революционеров-демократов. Не случайно она получила свое осуществление именно у советских писателей.

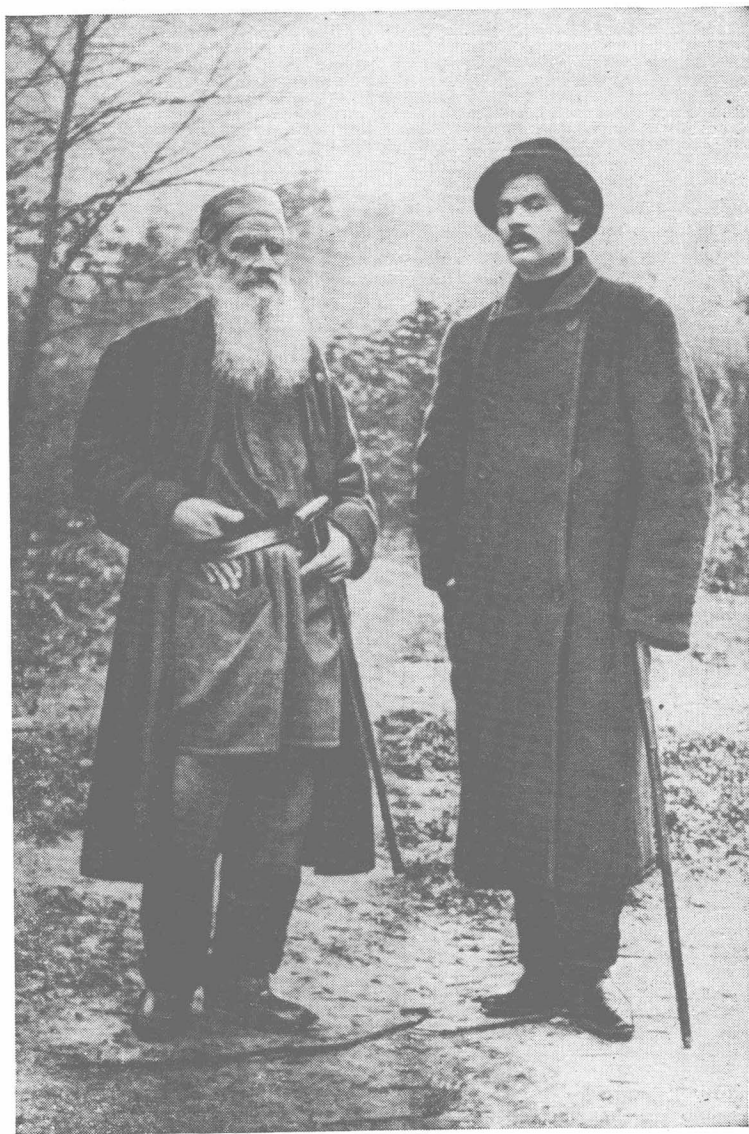
«Если хочешь найти пример для подражания, то ищи его среди простых людей. Только там истинное, не только не выставяющее, но и не сознающее себя величие», — говорил он, непосредственно перекликаясь с Добролюбовым, считавшим, что писатель должен прочувствовать все тем простым чувством, каким обладает народ.

Толстой приходил к выводу о народности искусства, к выводу о том, что труд — это могучий двигатель человеческой природы, единственный источник земного счастья и добродетели, опять-таки как бы откликаясь на известные слова Чернышевского о том, что жизнь имеет главным элементом своим труд.

Новый принцип типизации позволял революционерам-демократам критически подходить к окружающей действительности и, срывая с нее все и всяческие маски, создавать ту традицию бичующего разоблачения, которая в наше время усваивается советской литературой в ее борьбе с пережитками капитализма.

Их реализм непосредственно вытекал из роста народного движения и, опираясь на революционную активность самого народа, воспитывал его в конечном счете в духе революционной борьбы. Но нужен был переход этого движения в новую фазу — фазу пролетарского освободительного движения для возникновения коммунистической партийности в литературе. Появление статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература» в 1905 г. и романа Горького «Мать» в 1907 г. ознаменовали и в теории, и в практике эту новую, величайшую в истории фазу.

Революционеры-демократы еще не могли сделать решающего шага, они были ограничены историческими условиями, в которых протекал разночинский, как назвал его Ленин, период освободительного движения (1861—1895). «...Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материа-

Л. Н. Толстой и А. М. Горький в Ясной Поляне. 1900 г.

